

Джорджия Римонди

Лосевский анализ платоновской терминологии:
о понятиях «эйдос» и «идея»

GIORGIA RIMONDI

LOSEV'S ANALYSIS OF PLATO'S TERMINOLOGY:
ON THE NOTIONS OF *EIDOS* AND *IDEA*

ABSTRACT. The paper is devoted to the question of the semantics of Platonic terms *eidos* and *idea* in the understanding of A.F. Losev, who first highlighted the difference between the two notions in "Essays on ancient symbolism and mythology" (1930) on the basis of his study of Platonic corpus. The author argues that the Russian philosopher borrowed the hypothesis of a distinction between these terms from Natorp, who distinguished between receptive-passive and productive-active aspects of ideas. At the same time, Losev clearly distances himself from transcendentalism, in particular from Neo-Kantianism, in favor of ontological realism. Within the framework of a three-level ontology *eidos* performs a paradigmatic function that allows to bridge the gap between *idea* and thing. According to the categorical pair of differentiality/integrality, in Losev *eidos* and *idea* act as two different moments (dynamic and static) of the object's semantic unity, which embody the internal dynamics of the semantic movement within one and the same given and completed meaning. In this way, taking into account the influence of philological and cultural aspects of language in the formation of philosophical conceptions and guided by an historical and philosophical perspective, Losev anticipates the modern interpretations in the field of Plato studies in understanding Plato's ontology.

KEYWORDS: A.F. Losev, Plato's terminology, *eidos* and *idea*, Plato studies in Russia.

В русском философском контексте на рубеже веков в рамках обсуждения вопроса об оппозиции и примирении идеализма и реализма стал активно обсуждаться вопрос о смысле идеализма,

часто из-за желания дистанцироваться от кантианства. Как у других русских мыслителей, например П.А. Флоренского, у А.Ф. Лосева размышление об идеализме совпадает с анализом его истоков, то есть с анализом платонизма.

Лосев определил ряд этапов, которые привели его к текущей концепции платоновской философии. На ранней стадии, с 1911 г., он испытывает влияние Вл. Соловьева и отходит от «идеализирующей» интерпретации Эдуарда Целлера («Очерки истории греческой философии», 1856–1868, 1876–1882), доминирующей в те годы в Москве. Затем знакомство с работами Гуссерля заставляют его углубиться в анализ понятий «эйдос» и «идея». Третий этап (1922–1925) знаменуется изучением Марбургской школы неокантианства (Кассирер и поздний Наторп), в которой Лосев нашел следы платоновского влияния. Наконец, систематическое изучение эстетики Гегеля и Шеллинга (1924–1927) привел его к признанию фундаментального единства трех философских методов — феноменологии, гегельянства и диалектики¹. По собственному признанию, к систематическому изучению платоновского идеализма Лосев подходил под влиянием прочтения «Идей» Гуссерля, после чего посчитал необходимым более точное концептуальное определение терминов «эйдос» и «идея», которые, по его мнению, немецкий философ употребляет без какого-либо четко го разъяснения².

Русский мыслитель приступил к рассмотрению этого вопроса в работе «Очерки античного символизма и мифологии», посвященной изучению основных понятий древнегреческой культуры, в разделе «Терминология учения Платона об идеях (эйдос и идея)». Хотя очерк был опубликован в 1930 г., Лосев начал заниматься этой темой еще в конце 1910-х, когда в Московском психологическом обществе при Московском университете

---

¹ См. Лосев 1993а: 654–708.

² См. об этом Лосев 1995а: 174, Лосев 1993б: 332. Мнение о том, что у Гуссерля различие между эйдосом и идеей не совсем понятно, разделяют и современники, например, Йозеф Зейферт. См. Seifert 2000: 87.

выступал с докладами «Эйдос и идея у Платона» и «Теория абстракции у Платона»³. Лосев отмечает «нетерминологичность» и многозначность языка Платона, то есть «плавающее» значение слов. Об этом писал уже Диоген Лаэртский, который усматривал причину такой практики в желании «быть малопонятным для тех, кто не разбирается в деле»⁴. На многозначность «терминологии» указывает Г.-Г. Гадамер в своей работе о 7-м письме Платона (Gadamer 1985); метафоричность платоновского языка отмечает и Штенцель, который, тем не менее, считает, что у Платона «именно в тех понятиях, которые нам кажутся неустойчивыми и многозначными, надо пытаться увидеть орудия глубочайшего прозрения в суть вещей»⁵.

Однако, согласно Лосеву, философский смысл многозначности у Платона долгое время был вне поля зрения большинства европейских ученых по причине их увлечения филологическим аспектом языка. Хотя последний имеет значение и для философской интерпретации текста, Лосев утверждает, что нельзя останавливаться на филологическом уровне анализа, увлекаясь «тем нигилизмом, который часто возникает на путях изучения всех бесконечных семантических оттенков платоновского текста»⁶.

Цель филологически-философской работы Лосева над платоновской терминологией — определить статистику вхождений терминов «эйдос» и «идея» в отдельных платоновских произведениях с указанием в каждом конкретном случае их употребления того значения, в котором используется термин. При этом Лосев отвергает общераспространенное мнение о том, что нет существенной разницы между платоновскими терминами «эйдос» и «идея», которые часто понимаются однозначно, поскольку оба указывают на некую созерцаемую данность. Об этом Лосев говорит открыто: «Раз у Платона попадают такие выражения, как

---

³ См. Лосев 1993а: 138.

⁴ Лосев 2000b: 15.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.: 14.

«эйдос имеет идею», то ясно, что эйдос не есть идея, а идея не есть эйдос. <...> можно спорить лишь о характере различия»⁷. Отметим, что происхождение дихотомии в отношении понятий «эйдос» и «идея» восходит к дискуссиям неокантианцев, хотя, как подчеркивал М.Й. Брач, такая идея обнаруживается у Лотце и у Гартмана⁸. Именно возобновление филологической гипотезы относительно различия в значениях двух терминов является самым спорным аспектом лосевской интерпретации платоновской философии.

Лосев приводит ряд примеров в поддержку своей гипотезы. Приводим в качестве примера соответствующее высказывание Лосева по поводу употребления терминов «эйдос» и «идея» в «Теэтете»:

Theaet. 203e: слог состоит не из звуков, не из их простой суммы, но есть некий, происшедший из них эйдос, содержащий сам в отношении себя единую идею, — ἐξ ἐκείνων ἐν τι γεγονός εἶδος, ἰδέαν μίαν αὐτὸ αὐτοῦ ἔχον, ἕτερον δὲ τῶν στοιχείων. И там же, 205d: οὐκοῦν εἰς ταῦτόν ἐμπέπτωκεν ἡ συλλαβὴ εἶδος ἐκείνῳ (с отдельными звуками), εἴτερ μέρη τε μὴ ἔχει καὶ μία ἐστὶν ἰδέα. Какая разница в этих текстах между эйдосом и идеей? Если вчитаться в эти тексты, то нетрудно заметить, что эйдос в обоих случаях мыслится *как нечто происходящее, делающееся, возникающее*, — конечно, не в натуралистическом, а в смысловом аспекте, — γεγονός и εἰς ταῦτόν ἐμπέπτωκεν, в то время как идея в обоих случаях мыслится *как некоторый статический результат этого смыслового возникновения, выражающий своеобразие* рассматриваемого здесь становления. Мы имеем два разных звука. Сливши их в единый слог, мы тем самым отнесли полученную сумму в определенную, уже новую, смысловую сферу. Полученный слог уже не просто сумма, но по смысловому качеству уже нечто новое. Это значит, что мы получили вместо простой суммы некоторый эйдос, некоторый новый род смысла; и этот эйдос сразу же приобрел соответственный новый вид, новую видимость, или идею⁹.

⁷ Лосев 1993а: 277.

⁸ Brach 1996: 263.

⁹ Лосев 1993а: 271.

Результат философского анализа платоновской терминологии приводит Лосева к выводу о том, что Платон ввел фундаментальное различие между эйдосом и идеей как двумя разными моментами смыслового единства предмета — динамическим и статическим. В отличие от идеи, эйдос обладает качественно-дифференцирующим значением (он содержит части, а в нем остается центральным момент их «сверх-смыслового единства»), в то время как идея есть «конкретно-всеобщий смысл», явленный в эйдосе. Иными словами, эйдос — «самостоятельность и цельная единичность общего эйдоса вещи», а идея — единство всех видов вещи в чем-то одном¹⁰. Их функции разные — одно значит, другое выражает. В этом отношении весьма интересное толкование лосевских «Очерков» в феноменологическом контексте принадлежит Л.А. Гоготишвили¹¹. Она полагала, что идея и эйдос не диалектическая оппозиция, а «аттенциональная двойца», подчеркивая при этом, что для Лосева образцом служила категориальная пара дифференциальность/интегральность, как он сам утверждал в «Очерках»¹². Эйдос и идея воплощают собой некую внутреннюю изменчивость — динамику смыслового движения внутри одного и того же определенно-данного и завершенного в себе смысла.

Подобное убеждение вызывает необходимость переосмысления платоновской философии в свете понятия «эйдос» и отхода от общепринятой метафизической интерпретации платонизма как абстрактного идеализма. В поддержку этого положения Лосев в «Очерках» показал, что термин «идея» у Платона встречается очень редко и для него не характерно обычное понимание идеи как чего-то трансцендентного, запредельного — у Платона идея обозначает и фигуру человеческого тела, и внутреннее состояние психики, и формально-логическую общность («метод

---

¹⁰ Лосев 1993а: 145.

¹¹ Гоготишвили 2017.

¹² Лосев 1993а: 277.

смыслового конструирования вещи»)¹³. Таким же образом Джованни Реале ставил вопрос о том, почему термин, который первоначально означал предмет узрения, превращался в наивысшую метафизическую форму¹⁴. Причина, отмечал Лосев, состоит в греческой связи между зримым, формой и бытием: «Язык Платона, как указывает Ю. Штенцель, связан живой и теснейшей связью с родным языком его народа»¹⁵. Греческая духовная культура характеризуется как культура формы, которая является предметом видения, поэтому «нет никакой возможности отрывать идею от материи или материю от идеи, как нельзя отрывать сущность от явления вещи и явление вещи от ее сущности. Сущность <...> проявляется, а явление существенно. Текущая сущность — вот что самое главное»¹⁶.

Осознание этого факта имеет огромное значение для историко-философского понимания теории идей Платона, поскольку она, по Лосеву, является наиболее значимым и высшим выражением этой древнегреческой специфики. В связи с этим Лосев утверждал, что его работа не только филологическая, но и историко-философская, так как «невозможно понять терминологию Платона без собственной философии культуры»¹⁷. На основе своего анализа Лосев отрицает какой-либо дуализм или манихейство в платоновской онтологии; в нем нет никакого разрыва между миром идей и миром вещей: в эйдосе и идее наблюдается «соединение отвлеченного λόγος и реально-текучей ύλη»¹⁸. Теоретическое подтверждение своей идеи Лосев нашел в работе Х.Е. Пестера «Неподвижная усия Платона» (1971), в котором на основе филологического анализа платоновского корпуса доказывается, что помимо статического аспекта, усия (как возможность, энергия, потенциальность) имеет и движение (как осо-

---

¹³ Лосев 1990: 33.

¹⁴ Reale 2003: 267.

¹⁵ Лосев 2000b: 15.

¹⁶ Лосев 1990: 29.

¹⁷ Лосев 1993a: 140.

¹⁸ Лосев 1993a: 235–236.

знанная идея, ноэма), то есть существование¹⁹. Говоря о феноменологическом представлении об эйдосе в «Музыке как предмете логики» (1927), Лосев писал: «Обычно думают, что есть неподвижный эйдос и текучие факты. Однако это — очень плохая феноменология. Существует текучий эйдос, не перестающий, однако, оставаться эйдосом»²⁰. В лосевской концепции платонизма эйдос, представляя собой динамический момент, «переход к иному»²¹, является точкой соединения идеального смысла и явления в одно целое: явленный мир рождается из Единого посредством эйдоса. При этом подчеркивается становящийся характер сущности — платонический эйдос не статичен, а динамичен, диалектически поставлен между Единым и многим. Отметим, что лосевская концепция близка исследователям, которые поддерживают монистическое понимание Платона. Например, Стенли Розен говорит в этом контексте: «мы не движемся вперед и назад между двумя разными мирами, а между двумя различными измерениями одного и того же мира»²².

Терминологическое различие эйдоса и идеи у Платона оказывается небесполезным и для решения аргумента третьего человека²³; в частности, различие и определение содержания двух понятий приводит Лосева к пересмотру отношения Платона и Аристотеля к связи идеи и вещи. В «Критике платонизма у Аристотеля» (1929) Лосев показывает, что критика Аристотеля, сосредоточенная на известном аргументе третьего человека, оказывается необоснованной.

Эйдос у Платона и Аристотеля — это есть видимая сущность вещи или, так сказать, лик вещи. И вот оказывается, что этот лик вещи есть не только нечто единое, но и сама индивидуальность вещи, отдельность которой уже отходит на второй план. Здесь выступает на первое место именно то *эйдотическое*

---

¹⁹ См. Лосев 1991: 343, 344.

²⁰ Лосев 1995b: 487, 488.

²¹ Ibid.: 268.

²² См. Rosen 2007: 38.

²³ См. анализ терминологии в «Пармениде» в Gavroglu et al. 2013: 258, 259.

единство, которое не сводится ни на единство сплошной текучести данной вещи, ни на объединение ее свойств и качеств, ни просто на наши логические процессы обобщения. Уже тут становится трудным отличать концепции Платона от Аристотеля²⁴.

Разграничение эйдоса и идеи позволяет избежать регресса в бесконечность, который рассматривался Аристотелем как главный недостаток платоновской теории идей, поскольку в эйдетической сфере соединены идеальный смысл и существенность (динамика). Таким образом, разница между аристотелизмом и платонизмом заключается не в традиционном противопоставлении эмпиризма и рационализма, а в разной методологической предпосылке: если Аристотель представляет позицию формальной логики, то Платон опирается на феноменологически-описательный подход. Следовательно, в рассуждениях Аристотеля, основанных на предположениях формальной логики (в первую очередь, на принципе непротиворечия), идея и вещь понимаются как отдельные объекты, чье одновременное существование приводит к метафизическому дуализму²⁵. Подобную мысль Лосев уже высказывал в ходе обсуждения своей статьи «Мысли Аристотеля о художественном воспитании» на заседании Комиссии для изучения художественной формы при Философском отделении ГАХН от 15 декабря 1926 г. Отказываясь от интерпретации Аристотеля как эмпириста, Лосев отмечал, что аристотелевская теория «идеального оформления вещей» раскрывает не внешнюю, а скорее внутреннюю форму²⁶, философия Аристотеля «нисколько не была ослаблением идеализма Платона, но, скорее, его усилением»²⁷. Таким же образом Флоренский утверждал, что если на первый взгляд между аристотелевской формой и платоновской идеей образуется непреодолимый разрыв, то при ближайшем рассмотрении становится ясно, что платонов-

---

²⁴ Лосев 2000с: 35–36.

²⁵ См. Лосев 1993b: 546, 547.

²⁶ См. РГАЛИ ф. 941 оп. 1 ед. хр. 104; л. 15/об.

²⁷ Лосев 2000с: 665.

ская философия охватывает более широкое поле, чем аристотелевская, а последняя представляет собой частный случай первой.

Можно полагать, что основой для выработки Лосевым собственной позиции по этому вопросу стало предложенное Наторпом (1903, 1912) новое толкование взаимоотношения Платона и Аристотеля, которое «раз навсегда забило кол в ту грубейшую метафизику, в свете которой часто излагали учение Платона об идеях»²⁸. Лосев опирается на неокантианскую интерпретацию Наторпа по отношению к различению эйдоса (восприимчиво-пассивного аспекта) и идеи (продуктивно-активного аспекта)²⁹. Неокантианский контекст, безусловно, оказывает решающее влияние на формирование парадигмы, в рамках которой Лосев подходит к анализу платоновского корпуса, тем не менее это происходит в горизонте понимания, выходящего за пределы неокантианской идеи о нормативности и трансцендентальной основе теории. Хотя неокантианцам Лосев отдает должное за то, что их понимание платонизма не ограничивается узкой сферой метафизики, а пытается воссоединить сущность и явление, он не признает концепцию, по которой идея — это гипотеза, условие и априорный логический принцип, поощряющий познание³⁰.

Неокантианская идея, понимаемая как чистая возможность, методологический принцип, несовместима с платоновским понятием идеи, которое, наоборот, раскрывает онтологическую сферу, где бытие и мышление находятся на одном уровне: «Платон резко расходится с неокантианским пониманием ипотесы тем, что ипотеса для него есть в то же самое время бытие, она реально существует и реально воздействует и на человеческое сознание,

---

²⁸ Лосев 2000b: 361.

²⁹ М. Хайдеггер тоже наследовал от Наторпа это различение, отвергая его нормативную перспективу и понимая его в ноэтически-трансцендентном смысле. См. Le Moli 2002.

³⁰ Лосев 2013: 261. Лосевскую критику неокантианского понимания платоновской идеи можно найти и в других работах: «Философии имени» (Лосев 1993с: 799); «Диалектика художественной формы» (Лосев 1995а 166, 167); «Самое само» (Лосев 1994: 517).

и на самые вещи. Ум, мыслящий диалектически, создает ипотезы не в качестве [только] приципов (*archas*), но ипотезы в бытийном смысле слова»³¹. По сравнению с эйдосом как смысловым изваянием, идея — это «принципный, ипотечно-смысловой, структурно-целостный и систематически-диалектический метод осмысления и оформления каждой вещи, а тем самым и всей действительности»³².

Ставя акцент на конкретности платоновских эйдоса и идеи, Лосев явно дистанцируется от кантианства в пользу онтологического реализма, который признает связь сущности и его феноменального проявления, что позволяет избежать акцентирования одного или другого.

В связи с этим мыслитель открыто отказывается от всякого трансцендентализма. Хотя и в чисто логическом, а не в метафизическом смысле, неокантианцы, как и феноменологи, опираются на дуалистические предположения, — у Лосева, напротив, система платоновской философии мыслится как трехуровневая онтология, где в роли средоточия выступает эйдос. Он выполняет парадигматическую функцию, которая позволяет преодолеть пропасть между идеей и миром вещей.

Учение Платона об идеях было привилегированным предметом анализа для целого поколения авторитетных исследователей, как с историко-философской, так и с филологической точки зрения. В некоторых отношениях Лосев предвосхищает современные интерпретации платонизма, которые модифицировали его рецепцию: так, спустя десять лет после публикации лосевской работы Питер Броммер (1940), по-видимому, независимо от Лосева, приходит к аналогичным выводам³³.

Люк Бриссон (1998), говоря о природе умственных форм в диа-

---

³¹ Лосев 2000а: 746. Жан Гронден подчеркивает, что термин «гипотеза» используется Платоном в математическом смысле, для обозначения первого элемента доказательства (Grondin 2012: 31–32).

³² Лосев 2000а: 744, 745.

³³ Brommer 1940. Отметим, что Лосев ссылается на работу Броммера в *Истории античной эстетики*. См. Лосев 2000с: 839–843.

лектических диалогах, подчеркивает лексическую неясность, связанную с эйдосом и идеей: «Платон использует ряд терминов, которые показывают, с одной стороны, что речь идет об умственной форме, а с другой, что онтологическая терминология Платона в «Софисте», как и в других трудах, остается довольно текущей»³⁴.

Опираясь на представление о филологии как дисциплине, тесно связанной с историей идей и культуры, Лосев пытался прояснить эту терминологическую неясность в свете оригинальной концепции античности, тем самым проложив путь для нового толкования платонизма.

Литература

- Вандулакис, И.М. (1994), «Предвосхищение Платоном простой теории типов», *Историко-математические исследования* 35: 181–202.
- Гоготишвили, Л.А. (2017), «Идея и эйдос в ОАСМ Лосева как символы методологического синтеза, способного заложить основы «дискурса адекватности»», *Вех. Философский журнал* 23: 1–28.
- Лосев, А.Ф. (1990), *Страсть к диалектике*. М.: «Советский писатель».
- Лосев, А.Ф. (1991), «Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба [1979]», in Id., *Философия. Мифология. Культура*, сост. Ю.А. Ростовцев, 336–373. М.: «Изд-во политической литературы».
- Лосев, А.Ф. (1993а), *Очерки античного символизма и мифологии*. М.: «Мысль».
- Лосев, А.Ф. (1993б), «Античный космос и современная наука», in Id., *Бытие. Имя. Космос*, сост. и ред. А.А. Тахо-Годи, 61–612. М.: «Мысль».
- Лосев, А.Ф. (1993с), «Философия имени», in Id., *Бытие. Имя. Космос*, сост. и ред. А.А. Тахо-Годи, 613–801. М.: «Мысль».
- Лосев, А.Ф. (1994), «Самое само», in Id., *Миф. Число. Сущность*, сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова, 299–526. М.: «Мысль».

---

³⁴ Platon emploie une série de termes qui prouvent d'une part qu'il s'agit bien là d'une forme intelligible et, d'autre part, que le vocabulaire ontologique de Platon, dans le *Sophiste* comme ailleurs, reste assez flottant (Brisson 1998: 123).

- Лосев, А.Ф. (1995a), “Диалектика художественной формы”, in Id., *Форма — Стиль — Выражение*, сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова, 6–296. М.: «Мысль».
- Лосев, А.Ф. (1995b), “Музыка как предмет логики”, in Id., *Форма — Стиль — Выражение*, сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова, 405–602. М.: «Мысль».
- Лосев, А.Ф. (2000a), *История античной эстетики*. Т. 2: *Софисты. Сократ. Платон*. Харьков: «Фолио»; М.: «АСТ».
- Лосев, А.Ф. (2000b), *История античной эстетики*. Т. 3: *Высокая классика*. Харьков: «Фолио»; М.: «АСТ».
- Лосев, А.Ф. (2000c), *История античной эстетики*. Т. 4: *Аристотель и поздняя классика*. Харьков: «Фолио»; М.: «АСТ».
- Лосев, А.Ф. (2013), “О единстве онтологии”, *София: Альманах*. Вып. 3: *Евразийство и А.Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли*, 256–261. Уфа: Словохотов А.А.
- Тихеев, Ю.Б. (2013), “А.Ф. Лосев и немецкая наука о Платоне первой половины XX века”, in И.А. Протопопова, А.В. Гараджа и др. (ред.), *Платоновский сборник 2*, 450–462. М.: РГГУ; СПб: РХГА.
- Brach, M.J. (1996), *Heidegger – Platon. Von Neokantianismus zur existentiellen Interpretation des Sophistes*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Brisson, L. (1998), *Le Même et l’Autre dans la Structure Ontologique du “Timée” de Platon*. Sankt Augustin: Academia Verlag.
- Brommer, P. (1940), *Eidos et idea. Étude sémantique et chronologique des oeuvres de Platon*. Assen: Van Gorcum.
- Gadamer, H.-G. (1985), “Dialektik und Sophistik im Siebenten platonischen Brief”, in Id., *Gesammelte Werke*, Bd. 6: 90–115. Tübingen: J.C.B. Mohr.
- Gavroglu, K.; Christianidis, Y.; Nicolaidis, E. (eds.) (2013), *Trends in the History of Science*. Springer Science & Business Media.
- Gogotishvili, L.A. (2017), “Ideya i eidos v OASM Loseva kak simvolny metodologicheskogo sinteza, sposobnogo zalozhit’ osnovy «diskursa adekvatsii» [Idea and eidos in Losev’s *Sketches of Antique Symbolism* as Symbols of Methodological Synthesis Capable to Ground the ‘discourse of adequation’]”, *Vox. Filosofskiy zhurnal* 23: 1–28.
- Grondin, J. (2012), *Introduction to Metaphysics: From Parmenides to Levinas*, tr. By L. Soderstrom. New York: Columbia University Press.
- Le Moli, A. (2002), *Heidegger e Platone: essere, relazione, differenza*. Milano: Vita e Pensiero.
- Reale, G. (2003), *Per una nuova interpretazione di Platone*. Milano: Vita e pensiero.

- Rosen, S. (2007), “La produzione platonica”, in A. Ferrarin (a cura di), *La realtà del pensiero. Essenze, ragione, temporalità in Platone, Hegel e Husserl*, 25–46. Pisa: ETS.
- Seifert, J. (2000), *Ritornare a Platone. La fenomenologia realista come riforma critica della dottrina platonica delle idee*, trad. it. G. Girgenti. Milano: Vita e Pensiero.
- Tikheev, Y.B. (2013), “A.F. Losev i nemetskaya nauka o Platone [A. Losev and German Plato Studies of the First Half of the 20th Century]”, in I.A. Protopopova, A.V. Garadja et al. (eds.), *Platonovskiy sbornik 2*, 450–462. Moscow: RGGU; Saint-Petersburg: RKhGA.
- Vandulakis, I.M. (1994), “Predvoskhishcheniye Platonom prostoy teorii tipov [Plato’s Anticipation of a Simple Theory of Types]”, *Istoriko-matematicheskkiye issledovaniya* 35: 181–202.